

**Подготовила Россинская Светлана Владимировна,
заведующая библиотекой «Фолиант» №18
МУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»**

Милый друг Ги де Мопассан

(К 5 августа 2010 года - 160- летию со дня рождения)

5 августа 2010 года исполняется 160 лет со дня рождения Ги де Мопассана (1850-1893), классика французской литературы, большого мастера короткого рассказа.

В США к этой дате готовится экранизация его известного романа «Милый друг». Одну из главных ролей в фильме получила популярная голливудская актриса Ума Турман, ее партнером будет Роберт Паттинсон. Согласно сценарию, Ума Турман сыграет супругу друга главного героя, которая поможет ему достичь успеха в высшем парижском обществе и, в конце концов, станет его женой.

Думается, что в России в связи с разгаром дачного сезона эта дата пройдет не слишком замеченной.

Во всех найденных мною источниках есть сведения о том, что в декабре 1871 года нервные припадки довели Мопассана до покушения на самоубийство, есть информация о его нахождении в лечебнице для душевнобольных и о его смерти от прогрессивного паралича мозга.

Однако, писатель всегда тщательно оберегал свою интимную жизнь от посторонних. Нужно признать, что подробности его жизни в целом мало известны и не дают материала для сколько-нибудь точной и подробной биографии. Попробуем лишь слегка приподнять эту завесу.

Первое увлечение

...Детство Мопассана прошло в Нормандии, в приморском поместье в Эгрета близ Фекана. Его отец - Густав де Мопассан, пылкий красавец с горячими глазами, унаследованными от бабушки-креолки, происходил из старинного лотарингского рода, но был гулякой и прожигателем жизни. Его жена -Лора Ле Пуатвен- не смогла вынести бесконечных любовных похаживаний супруга и, забрав сыновей - старшего Ги и младшего Эрве, в конце концов переехала в свое поместье в Эгрета.

И вот Ги 13 лет, он загорелый коренастый мальчишка, похожий скорее на крестьянского сына, в рубахе и штанах до колен. Именно в этом возрасте случилось его первое увлечение. Нет, не первая любовь - такого чувства он никогда не испытывал, а именно первое увлечение.

Вечерами сорванец неслышно подкрадывается к окнам девчонки Николь и в подзорную трубу подглядывает, как веснушчатая смешливая соседка раздевается перед сном. Однажды он выследил ее, когда Николь, спрятав одежду в прибрежных кустах, купалась в море. Ги тогда впервые понял, что значит желание, с которым невозможно совладать. Николь громко кричала, но вокруг пустынно, кто мог услышать?

Став старше, Ги соблазнил немало девушек в округе. Случалось, за опозоренных дочерей пытались вступиться разгневанные отцы, но не было случая, чтобы юный искушитель сознался в содеянном: глядя в глаза девушке и ее родителям, он отпирался до последнего. В конце концов, Ги был из хорошей семьи, и ему верили.

И откуда только взялась в нем эта изворотливость, лживость? Скорее всего, от отца. Напрасно Лора, высоко ценившая литературу и искусство, пыталась усадить сына за книги - отцовские гены с годами заявляли о себе все громче. Стоило ей отвернуться, как

мальчишка сбегал к морю. Учебе он предпочитал дружбу с рыбаками и их хорошенькими сестрами и дочерьми.

«Эту новеллу потомки не забудут!»

Сочинять стихи Мопассан начал довольно рано. Наверное, это тоже передалось мальчику по наследству: ведь его дядюшка Альфред, ближайший друг Гюстава Флобера, обещал стать блестящим поэтом, но ранняя смерть помешала осуществлению этих планов. Лора боготворила брата и надеялась, что старший сын станет его достойным преемником, так что у Ги не было иного выхода, как начать писать стихи.

В детстве едва ли не ежедневно повторялась одна и та же сцена: взволнованная мать, стоя под портретом брата, настойчиво твердила своему легкомысленному отпрыску: *"Поклянись памятью дяди, что позанимаешься два часа латинским, а потом сочинишь пример стихотворного гекзаметра. Иначе он, - Лора многозначительно указывала на портрет, - будет огорчен твоим неприлежанием!"* В какой-то момент мальчика осенило: *«Но ведь он все время улыбается - значит, доволен мной!»*.

После блестящего окончания руанского лицея - все же, на радость матери, Ги оказался способным! - он поступил чиновником в морское министерство. Мопассан продолжал писать стихи, посылая их на суд Флоберу, а на службе от скуки сочинял рассказы. Посылать Флоберу свои новеллы Мопассан стеснялся, считая их безделицей. Он отправлял их в журналы под псевдонимом, и, к удивлению начинающего автора, рассказы печатали!

Первой новеллой, которую Ги решил показать учителю, стала *«Пышка»*. Сидя у камина в своем доме в Руане, Флобер снова и снова восторженно цитировал отдельные отрывки из рассказа, а потом сказал: *«Эту новеллу потомки не забудут!»* Мопассан разинул рот: Флобер никогда не хвалил его, а уж чтобы так!

«Искусство - это служение, - втолковывал Флобер юноше. - Ты не имеешь права жить как обычный человек, развлекаться, бездельничать. Все свободное время надо совершенствоваться. Даже в выходные писатель садится за стол в восемь утра, не дожидаясь прихода вдохновения...»

Мопассан же мечтал об одном: вырваться на волю! Однако на жалованье в тысячу франков разгуляться трудновато. *«Я был чиновником без копейки за душой. В моем сердце бурлила масса желаний, скромных и в то же время неосуществимых, которые украшали мою жизнь надеждами»,*

После нормандских просторов Париж действовал на Мопассана угнетающе, он физически не мог переносить тесных улиц, духоты и отсутствия зелени. И Ги нашел выход: он приобрел лодку! В выходные на заре он с друзьями снаряжал свой челн и сплавлялся по Сене в поисках приключений. Река стала его страстью и отрадой, она хотя бы отчасти заменила потерянное море.

Ги не зря провел все детство среди рыбаков - его выносливость поражала окружающих; он мог спокойно одолеть пешком десятки километров и пройти на веслах без помощников весь долгий путь из Парижа в Руан! Он гордился своей силой гораздо больше, чем новыми рассказами.

Верность, постоянство - что за бредни!

Впрочем, он кичился не только выносливостью - Ги хвастался и любовными победами. Как же друзья завидовали ему! Сколько раз Ги устраивал соревнования, кто быстрее найдет подружку там, куда они причаливали - в Аржантейе, Безоне, Сартрувиле... Не было случая, чтобы он проиграл. Он умел очаровать купальщицу, случайно застигнутую на берегу, соблазнить в придорожном леске молоденькую зеленщицу,

уговорить дочку хозяина кабачка пойти с ним на сеновал. Мопассан не мог обойтись без юного женского тела, так же как и без бифштекса с кровью.

...«Удивляюсь, как для мужчины любовь может быть чем-то большим, нежели простым развлечением, которое легко разнообразить, как мы разнообразим хороший стол. Верность, постоянство - что за бредни! Меня никто не разубедит в том, что две женщины лучше одной, три лучше двух, а десять лучше трех», - писал Мопассан.

Он частенько навещал бордели на улице Клозель, и выдавшие виды местные девушки встречали мускулистого парня в мягкой фетровой шляпе восторженным гомоном. Между собой они прозвали его Быком. Ги приближался к ним неторопливой походкой, и девушки, расталкивая друг друга, вешались ему на шею. Каждая шептала: «Мой», «Ко мне», «Никому не уступлю».

За право оказаться в его постели боролись не только парижские проститутки, но и очаровательные актрисы, кокетливые дамы полусвета - Натали, Николь, Мишель, Франсуаз...

И Мопассан все больше верил в свою неотразимость. У него даже завелась привычка носить в кармане зеркальце и часто украдкой в него смотреться.

Его известность росла, выходили новые сборники рассказов, появились и первые романы.

Слава богу, наконец, он смог уйти с опостылевшей службы. Теперь каждое утро, пока Ги еще нежился в постели, слуга приносил по сорок-пятьдесят писем от поклонниц. Мопассан перебирал узкие надушенные конверты и развлекался тем, что по почерку пытался угадать внешность корреспондентки. Часто к письму прилагалась фотография, и Ги, который, как правило, не читал всех писем, раскладывал фотографии, как пасьянс, выбирая наиболее привлекательные. Избранные счастливицы получали краткий ответ: «Встретимся у входа в сад Тюильри тогда-то». Чем заканчивались эти свидания, известно...

Мария Башкирцева

В один из дней случайно прочитанное письмо показалось Мопассану любопытным: изящный слог, тонкие похвалы в адрес его новелл и весьма неглупые рассуждения о жизни. До этого Ги едва ли подозревал, что женская головка создана не только для ношения шляпок! Корреспондентка назвалась Марией Башкирцевой.

Из письма следовало, что это - одинокая, жаждущая любви молоденькая русская художница, живущая в Париже. Первые ее письма Мопассан из любопытства читал, но они ему быстро прискучили. «*Давайте встретимся, умоляю, - просила она. - У меня чахотка, я не проживу долго*»,

Читая эти строки, Мопассан брезгливо морщился. Когда болели мать или брат, он под любым предлогом сбегал из дому, а потом, выслушав упреки в черствости, упрямо молчал, отвернувшись в сторону. Даже узнав, что мать заболела серьезнее обычного, Ги, вместо того чтобы навестить ее, предпочел выслать денег.

С детства его преследовал панический страх перед недугами, а уж добровольно идти на свидание с чахоточной - увольте! У него после этого испортились пищеварение и цвет лица!

«*Нам ни к чему встречаться. Не пишите мне больше. Вам лучше уйти в няньки или гувернантки, для глаз и руки мужчины (по крайней мере, такого, как я) было бы слишком тяжелым испытанием любоваться вашим лицом и иметь дело с вашим телом*», - вынес приговор Марии Мопассан.

В ответ мадемуазель Башкирцева написала, что Бог всегда наказывает за жестокость. Но Мопассан не верил в Бога. Через некоторое время он узнал, что русская художница умерла.

«Как смело! Ах... Ох...»

В тот период Ги как-то попросил свою подругу, скульпторшу Жизель д'Эсток, раздобыть ему эфира. Ради этого девушка, страстно влюбленная в молодого повесу, не задумываясь, продала единственное фамильное украшение, оставшееся от матери, и уговорила знакомого аптекаря. Это обошлось недешево. В те времена в среде французской богемы наркотики еще были редки; ими баловались в основном художники, но не писатели. Мопассан оказался одним из первых.

Когда девушка попросила у Ги денег на очередную порцию эфира, он в искреннем недоумении пожал плечами: почему бы Жизель самой не заплатить, чтобы доставить ему удовольствие? Разве он не осчастливил ее постоянно своим обществом и ласками? А ведь на его поцелуи высокий спрос.

После того как в 1883 году вышел роман «Жизнь», хвалебные оды писатель выслушивал во всех великосветских салонах, куда его стали часто приглашать:

«Ваш новый роман, мсье де Мопассан, поистине превосходен. Какая правда характеров! Как смело! Ах... Ох...»

Мопассан вошел в моду. Такое уж было время: французской аристократии приелось знакомое и привычное, и теперь для развлечения ей требовалось что-то скандальное. Особым успехом пользовались костюмированные приемы Пьера Лоти в средневековом или древнеегипетском стиле. Сара Бернар принимала титулованных друзей, лежа в гробу, охраняемом попугаями и парой пантер. И парижская знать находила все это «обворожительным».

Мопассан, разумеется, не мог соперничать с подобными оригиналами, поэтому был приятно удивлен, когда его персоне тоже вдруг оказалась «обворожительной» для бомонда. Ги стал частым гостем в доме атташе австро-венгерского посольства в Париже Николя Потоцкого. Именно в роскошном дворце Потоцких на улице Тронше в 80-е годы XIX века собирался весь высший свет Парижа, и в кулуарах вершились судьбы Европы. Здесь Мопассан свел самые полезные знакомства.

Но, кроме салона Потоцких, Ги стал желанным гостем в не менее знаменитом салоне барона и баронессы Канн на улице Гренель, где обменивался любезностями с Ротшильдами, Морпургосами, Стернами.

Порой самоуверенность Ги просто поражала: он высказывался по любым вопросам - от войны с Пруссией до объема экспорта зерна. В разговоре с собеседником имел привычку бить ногой по полу, словно вколачивая в него гвозди. Собратья по перу, которые также удостаивались чести бывать у Каинов - Гонкур, Анатоль Франс, Бурже, - изо всех сил старались не попадаться ему на глаза. Манера общения Ги была неприятной: он перебивал, спорил, не давал вставить слово.

Франк за строчку

Мопассана называли «счастливым», «любимчиком фортуны», но в литературных кругах Парижа его не жаловали - считали выскочкой и зазнайкой. Вальяжно рассевшись в приемной газеты, Мопассан, поглаживая округлившийся живот, громко вещал: *«Я тут исключительно ради денег. Да-да, ради презренного, низкого и возжеленного металла».*

Золя и Франса передергивало от подобной откровенности. Флобер пытался оправдать ученика, убеждая коллег, что это просто эпатаж. Однако факты говорили сами за себя. Ни для кого не было секретом, что Мопассану, единственному из литераторов, платили по франку за строчку. Даже Золя получал меньше.

При этом Ги, дав разрешение на перевод своих произведений на иностранные языки, скандалил с издателем Виктором Аваром из-за каждого сантима причитающихся ему потиражных, как рыночная торговка, требуя поощрительного гонорара «за скорость расхождения тиража». Словом, не упускал случая заработать на любой мелочи.

К середине 1880-х годов Мопассан владел огромной квартирой в Париже, виллой в Каннах, поместьем в Эгрета в Нормандии и несколькими яхтами.

Тоска, разочарование и желание убить

Его жизнь складывалась превосходно, но временами Ги одолевала тоска. Страшная болезнь еще не дала о себе знать, беспокоили лишь ее отдаленные предвестники: внезапные мигрени, странные приступы усталости...

Мопассан становился все более и более мрачен. Если раньше он много шутил и громче всех смеялся собственным шуткам, то теперь угрюмой тенью скользил по залам. В его светло-карих глазах поселилась тревога. Некогда уверенные вальяжные манеры все чаще сменялись рассеянностью и неловкостью.

Ги больше был не в силах скрывать себя: его грызет острое, с каждым днем растущее разочарование. По утрам, сидя за старинным бюро и силясь работать, Мопассан терзался неожиданно ставшим для него важным вопросом: почему он не способен полюбить? Почему Бог лишил его этого дара?

Даже Флобер, как и Мопассан, презиравший брачные узы, восемь лет верен одной возлюбленной. Почему тогда Ги не может воспламениться сердцем? Не оттого ли, что, пресытившись с юности женщинами, он видит женскую душу насквозь, и она лишена для него тайны? Ги не встречал ни одной, которая бы его удивила. А ведь каждая пыталась это сделать! Одна из его любовниц в своем стремлении пооригинальничать уверяла Мопассана, что питается только розовыми лепестками!

Да, Ги по-прежнему не может обойтись без женских ласк, нуждается в них, как в хорошем обеде, но это кушанье давно уже сводит скулы своим однообразием. И в то же время он не просто устал, он сходит с ума от одиночества. Постоянно жить одному, имея в качестве наперсника и собеседника лишь слугу Франсуа! Кому, кроме старой матери, он нужен на этом свете? Кому он оставит свое богатство?

В глубине души Мопассан надеялся, что дамы из высшего общества окажутся иными. Надеялся на то, что вдруг в прежде недоступной ему среде он все-таки найдет единственную, непохожую на других... Наивные мечты!

Ги не ожидал, что банальные лживые фразы, ласкавшие слух уличных девок, окажут на аристократок такое же воздействие. Ему не требовалось никаких особенных усилий, чтобы проникнуть в будуар законодательниц парижского света. Со многими он состоял в интимной переписке. Ги уже наизусть знал эпистолярную любовную риторику! («*Право, не знаю, как ответить на ваше приглашение, мсье...*» «*Свет сочтет меня легкомысленной, если я без сопровождения решусь появиться у вас...*») А потом очередная пассия звонила в дверь его холостяцкой квартиры: «*Ах, мсье, я завезла вам приглашение барона Ротшильда...*»

В итоге баронессе Мари Канн, величественной и неприступной на вид, Мопассан выделил для встреч среды и пятницы, а мадам Потоцкой - понедельники и четверги. Вторники и субботы заняла графиня Эрмина Деконт дю Нуи, жена императорского архитектора.

«Я понимаю преступников, даже убийц. Иногда меня охватывает непреодолимая жажда убить, разорвать, уничтожить человеческие существа», - пишет Ги матери. Старая Лора де Мопассан, сидя в своем доме в Ницце, с недоумением пожимала плечами: с чего это ее добродушного сына вдруг охватила непонятная агрессия? А Ги тем временем все сильнее захватывают фантазии убить своих любовниц, отомстив им за их несовершенство и свое одиночество.

О венерических заболеваниях Мопассан беспокоился меньше всего: его доктора не считали их угрожающими здоровью. В Мопассана словно вселился бес жестокости, особенно, когда его любовницу, мадам дю Нуи, тоже стали посещать неприятные

недомогания и головные боли. *«Пусть помучается, - думал он, - зато перестанет ко мне таскаться! Было бы прекрасно заразить всех этих сытых самок!»*

Прошло несколько месяцев, Эрмине дю Нуи становилось все хуже, и она попросила Мопассана навестить ее, написав в очень нежном прощальном письме, что всегда любила только его.

Ги порвал письмо на мелкие клочки и долго хохотал. Любила! Скажите, что за чувство - любовь? Лично он такого не знает. Ги не поехал к мадам дю Нуи и после третьего умоляющего письма. Прошло время, и Мопассан как-то встретил ее на прогулке в Булонском лесу. Эрмина выкарабкалась, но как подурнела! Он с ледяной учтивостью приподнял шляпу. Мадам дю Нуи демонстративно отвернулась.

Вспышки мстительной злобы посещали Ги все чаще. Ему вдруг вздумалось нарушить заведенный распорядок и одновременно пригласить баронессу Мари Канн и Эммануэлу Потоцкую. Мопассан ликовал, наблюдая бешенство Мари, которое та не могла скрыть.

Досталось и Потоцкой. С ней Мопассан тоже сыграл злую шутку: шепнул воздыхателю Потоцкой, что она равнодушна к женщинам. Но самое пикантное, что слухи дошли до мужа Эммануэлы. При этом Мопассан предпочел почему-то забыть, как несколько лет назад, когда появился в печати его роман «Жизнь», именно графиня Потоцкая расхваливала его всем и каждому, включая слуг и горничных. Эммануэла в свое время свела Ги с новым издателем.

Между прочим, так же обстояло с Мари Канн и Эрминой дю Нуи: эти влиятельные дамы тоже оказывали Мопассану важные услуги. Но Ги не хотел вспоминать об этом. Его унижали благодарения, которые он получал из рук женщин. Он ведь от души презирал их. К тому же, это не они ему помогали, а их мужья. Вот им он завидовал.

Сколько страниц Мопассан должен исписать, чтобы подарить той же баронессе Канн бриллиантовые подвески? Да никакие подвески не стоят этого ада, этой муки, когда часами ищешь единственное нужное слово! Как он, в сущности, ненавидит писательское ремесло!

...Неожиданно пришло письмо от давней подруги Жизель д' Эсток. Когда-то Ги безо всяких объяснений перестал бывать у нее, оставаясь глухим к ее призывам. Он равнодушно разрезал письмо. *«Милый друг, - обращалась к Мопассану Жизель, называя его прозвищем героя одноименного романа, - я презираю себя за знакомство и увлечение вами».*

Мопассан вскипел. Неужели госпожа д' Эсток также глупа и наивна, как все эти великосветские курицы, и не понимает, что автор и герой - не одно и то же?! Если он и наделил своего Жоржа Дюруа некоторыми присущими ему чертами, то это лишь отдельные, незначительные детали, а его личность, его личность...

Перо Мопассана остановилось. А что, собственно, его личность? В самом ли деле он так отличается от расчетливого прощельги Жоржа Дюруа? Мопассан вспомнил, как подписывал экземпляры только что вышедшего романа этим прозвищем - «Милый друг». Зачем он это делал?

...«Франсуа! Чемоданы!»

Страх и черную тоску, поселившиеся в сердце Мопассана, унимали только путешествия. Ги любил странствовать и в юности, сейчас же эти поездки скорее походили на бегство. Бретань, Алжир, Тунис, Италия, Сицилия... Изматывающие ночи в вагоне, преследующий запах угля, тошнотворная еда в привокзальных буфетах. Впрочем, не многим лучше и обеды в гостиницах с докучливыми туристами.

Вернуться домой? Но к кому и зачем?.. Его никто не ждет. Он никому не нужен. Ему обрадуется, возможно, только осточертевшее бюро с разбросанными рукописями.

По возвращении из Алжира в 1889 году Мопассан сильно сдал: похудел, осунулся, плечи ссутулились. Здоровье, которым он всегда так гордился, стремительно разрушалось. Его мучили ужасные боли в спине и желудке, и самое страшное - слепота, которой он так боялся, стала нападать, как коршун, невыносимо терзая его психику. Эта пытка могла продолжаться час или два, потом зрение возвращалось.

Первый приступ этой его странной болезни доктор объяснил нервным переутомлением. Второй раз это несчастье обрушилось на голову Мопассана на яхте, пришвартованной в Каннском порту, когда он собирался прочесть любовные вирши мадам де Строе.

Все начиналось великолепно, и в этот день у Ги даже было неплохое настроение - в последнее время он часто хандрил. На борту собралось изысканное общество: британский посол лорд Литтон, знаменитый денди Робер де Монтеस्कью, барон Нейтхауз... Из дам пожаловали баронесса Мари Канн и ее сестра Лулня, графиня Эммануэла Потоцкая; последней появилась герцогиня Женевьева де Строе.

Для тщеславного Мопассана похвастаться весьма дорогостоящим приобретением - белоснежной яхтой, названной им «Милый друг» в честь его последнего романа, было истинным наслаждением. Музыканты играли легкие вальсы, и судно, которое писатель в шутку называл своей «главной возлюбленной», покачивалось на волнах неподалеку от купленной недавно виллы. Лазурный берег становился все более модным среди французской аристократии, и в этом смысле Мопассан держал нос по ветру.

Мопассан старался всюду успеть: вставить слово о политике в кружке мужчин, сделать комплименты всем присутствующим дамам, шепнуть пару нежных слов Эммануэле, незаметным рукопожатием успокоить ревность Мари, восхищенным взглядом дать понять Женевьеве, что очарован только ею... Все это он проделывал легко и непринужденно. Неудивительно - Ги давно научился изображать восторг и любезность, не испытывая по-настоящему сильных чувств.

В кармане Мопассана лежала коробочка с подарком для очередной пассии, на которую он положил глаз, - царственной красавицы Женевьевы де Строе. Впрочем, не столько ее внешность привлекала Ги: Женевьева через мужа могла поспособствовать публикации романов Мопассана за границей.

Перед обедом он смог незаметно уединиться с Женевьевой в одной из кают. Многозначительно извлек из кармана подарок и надушенный лист бумаги, собираясь прочесть стихотворное посвящение. Мадам де Строе ждала с любезной улыбкой.

Вдруг Мопассан почувствовал сильную резь в правом глазу и непроизвольно заморгал, думая, что попала соринка. Извинившись, протер его платком. Правый глаз не видел... Ги посмотрел на герцогиню безумным взглядом. Ее брови удивленно взлетели: «Что с вами? Вам плохо?» Мопассан, не говоря ни слова, выскочил из каюты и, добежав до туалетной комнаты, прилип к зеркалу: правый зрачок в отличие от левого сильно расширен. Его охватила паника, такая же сумасшедшая, как и в тот раз, когда это случилось с ним впервые.

Белый, с трясущимся подбородком, Мопассан кое-как выбрался на палубу, цепляясь руками за снасти, будто он уже совсем ослеп. Теперь оживленная суeta гостей приводила его в ужас. Боже, как ему от них избавиться? Перед левым, зрячим глазом плясали багровые пятна. Едва различая, с кем говорит, Мопассан пролепетал, что у него сильнейший приступ мигрени, и он просит великодушно его извинить.

Добравшись почти ощупью до своей каюты, Ги рухнул на кровать и закрыл глаза. Его начала трясти лихорадка.

Наутро зрение восстановилось, но страх слепоты превратился у Мопассана в наваждение. Пожилой профессор, приглашенный Мопассаном, смущенно покашливая в кулак, предположил наличие сифилиса.

Не глядя на врача, Мопассан надменно спросил: «*Какое это имеет отношение к глазам?*» Старичок доктор не особенно настаивал на своем диагнозе, однако посоветовал пациенту лечиться ртутью и йодистым калием.

Случилось еще одно ужасное несчастье: тронулся рассудком младший брат Ги - Эрве. Его поместили в психиатрическую лечебницу в Пасси, где Эрве вскоре скончался.

Гению позволено все?..

Жизель д' Эсток, узнав от общих знакомых, что Мопассан очень болен, приехала его навестить. Она никогда не забывала Ги; после разрыва с ним у нее больше не было мужчин.

Жизель приехала... просить у Ги прощения. Она прочла все книги Мопассана - «**Жизнь**», «**Огонь желания**», «**Милый друг**», «**Пьер и Жан**», «**Сильна, как смерть**», «**Наше сердце**», «**Чуждая душа**». И теперь считала себя слепой идиоткой, ведь романы доказали, что их автор - гений, а гению позволено что угодно, лишь бы творил. Над ним нет морального закона.

Жизель увидела Мопассана в саду и в первый момент не узнала: на скамейке-качелях сидел маленький исхудавший человек; его ноги с трудом доставали до земли. Заметив Жизель, он прищурился, но, видимо, не узнал. Она приблизилась к качелям. Мопассан присмотрелся, ахнул и вдруг... расплакался.

Жизель стояла, оцепенев, и расплакалась тоже, не в силах выдать из себя ни слова: она попросту не знала, что сказать. Наконец, не в силах больше выносить эту сцену, неожиданно для самой себя атеистка Жизель перекрестила Мопассана и почти побежала к воротам.

Встреча с Жизель сильно взволновала писателя. Он поднялся к себе в кабинет, сел за свое бюро, и вдруг ему почудилось, что дверь открылась и вошел... он сам. Сел напротив, оперся головой на руку и начал грозить пальцем и стыдить. Мопассан не разбирает слов, но понимал, что двойник в чем-то упрекает его. Показалось, он перечисляет какие-то имена... Ги страшно закричал - галлюцинация исчезла.

1 января 1892 года Мопассан в сопровождении Франсуа отправился на отдых в Канны. Ночью старого слугу разбудили душераздирающие крики. Примчавшийся Франсуа обнаружил господина на кровати со страшной раной на шее. Мопассан попытался перерезать себе горло ножом для бумаг. Все ящики стола были открыты - видимо, сначала несчастный хотел воспользоваться револьвером, однако Франсуа предусмотрительно спрятал оружие. Безумие его хозяина нарастало с каждым днем - накануне ночью он стрелял в воображаемого злоумышленника.

На Мопассана было страшно смотреть: из тусклых, глубоко ввалившихся глаз текли слезы отчаяния - он не хотел верить, что ему не удалось покончить с собой. Бормотал, что снова приходил двойник, а с ним женщины - вереницы женщин... Все они показывали на него пальцами и в чем-то винули.

Больного охватывало все большее возбуждение, и, в конце концов, его речь стала совершенно бессвязной. На Мопассана надели смирительную рубашку. Решено было везти его в лечебницу. Перед тем, как ехать, Франсуа уговорил врачей дать возможность хозяину попрощаться с яхтой. При виде «Милого друга» взгляд Мопассана сделался осмысленным. Он долго не мог оторвать глаз от корабля. Зашевелил губами и что-то долго-долго говорил, обращаясь к яхте. Потом погрозил кулаком и через минуту послал воздушный поцелуй. Потом, взяв горсть песка, сердито швырнул в свою «главную возлюбленную».

P.S. Ги де Мопассан находился в лечебнице полтора года, рассудок к нему так и не вернулся. Писатель скончался 6 июля 1893 года в возрасте 43-х лет. Все состояние он оставил племяннице, дочери своего брата Эрве - Симоне.

Литература:

1. Абсалямова Э. Ги де Мопассан: из света жизнелюбия в сумерки безумия//Мопассан Г. Лунный свет: роман. Новеллы/ Ги де Мопассан/ Пер. с фр. - М.: Эксмо, 2007.- Стр. 5-30
2. Евнина Е. Ги де Мопассан// Библиотека всемирной литературы. Сер. 2. Т. 97. Ги де Мопассан. Жизнь. Милый друг. Новеллы. - М.: Худ. лит., 1970. - Стр. 5-21
3. Евнина Е. Историко-литературная справка// Ги де Мопассан. Жизнь. Милый друг. Романы/ Пер. с фр.- М.: Худ. лит., 1975.- Стр. 521-525.
4. Каспэ И. Соединенные с успехом: Биографии «массовых» писателей//НЛО.- 2002. - №56.
5. Лебовски Х. Ги де Мопассан: В огне желания// Ханна Лебовски// Караван историй. - 2006.-№9.- Стр. 268-283.
6. Малая энциклопедия персоналий: 2000 великих людей/ Сост. А.К. Золотько, С. А. Кондратюк.- М.: ООО: Изд-во АСТ; Харьков: «Торсинг», 2001.- Стр. 246.
7. Михальская Н. Ги де Мопассан. Личность и творчество// Мопассан Ги де. Сильна как смерть. Наше сердце. Рассказы/Пер. с фр. - М.: Правда, 1990 - Стр. 5-20.
8. Пузиков А. И. «Жизнь «Мопассана»//Пузиков А. И. Портреты французский писателей.- М.: Худ. лит. – Стр. 262-268
9. Пузиков А. Предисловие// Ги де Мопассан. Милый друг: Роман/пер. с фр. - М.: Худ. лит.,1980.- Стр. 5-12.
10. Сазонова Н. И. Ги де Мопассан (1850-1893)// Мопассан Ги де. Жизнь. Сильна как смерть: Романы.- Йошкар-Ола: Марийский полиграф.-издат. комбинат, 1993.- Стр.5-24.
11. Сто великих любовников/Авт.- сост. И.А. Муромов.- М.: Вече, 2004.- Стр. 356 - 365. (Сер. «100 великих»)
12. Экранизация: Ума Турман перевоплотится в героиню Мопассана// Читаем вместе.- 2010.-№1.-Стр.6.